Максим Зур

Алина и Марта, любимые подружки

16+

Максим Зур

Алина и Марта, любимые подружки

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Зур М.

Алина и Марта, любимые подружки / М. Зур — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Подруги из состоятельных артистических семей заканчивают школу с творческим уклоном. Там же классом младше учится «простой», но немного странный Миша. Он хочет быть в их компании и вслед за ними поступить в театральный вуз. Конечно, ему тяжело быть своим и освоить занятие, в котором у него нет никакой форы.

© Зур М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Свобода быть там, где хочется 6
Свобода выбирать, с кем общаться 7
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Кому-то посвящать – зря смущать

***

Для меня есть Москва древнерусская, о которой я почти ничего не знаю, и для которой в голове хранятся совсем уж примитивные ассоциации, составленные из обломков школьных экскурсий; где-то там сверкают и поражают воображение храм Василия Блаженного и памятники «русского узорочья»; есть Москва «старая», «дореволюционная», знакомая по фотографиям и кинохронике; затем обнаруживается Москва из «Циников» Мариенгофа или же из «Дома на Трубной» Барнета и «Человека с киноаппаратом» – хаотичная по-страшному или по-весёлому; дальше, конечно, Москва после реконструкции середины тридцатых, ясный тоталитарный город, расщеплённый проспектами; она одухотворяется иной атмосферой, запечатлённой оператором Вадимом Юсовым и скомпонованной Георгием Данелией в знаменитом фильме «Я шагаю по Москве»; с наглой неизбежностью возникают в этом ряду окраинные нагромождения одинаковых многоэтажек, сличивших Москву с другими городами и осмеянных также в знаменитом кино; затем наступает более личное, неугадываемое с полуслова. Москва 1998 года – когда мы с мамой сюда приехали – «деловая». За монотонными «стеклянными домами» и торговыми центрами в детстве виделась не скучнеющая жизнь, а многообещающая бизнес-среда, ведь и нам возможность обустраиваться (и путешествовать) предоставляла мамина работа, связанная с этой средой. Но по мере моего взросления появилась и другая Москва, – грубо говоря, – 2008 года. Здесь бизнес обрёл новый дизайн, не бестолково пёстрый и не серо-деловой: многие кофейни, лавки, бутики в эти годы стали гладить своими витринами и убаюкивать матовой подсветкой, и выстроились они в разноцветный, но вполне стройный ассортимент, обещая больше «хорошего вкуса» пресловутому безудержному потреблению. Кроме того, Москву почистили, подреставрировали; после сноса здания Военторга грязные дела сносителей (или сносильщиков?) ушли с авансцены и творились в кулуарах. Импрессионистов любили всё больше – видимо, улавливали постыдную для одних, приятную для других, смешанную для многих связь наших огоньков с их (импрессионистов) многокрасочным свечением; а Вадим Юсов назвал в одном из своих последних интервью теперешнюю Москву «сказочной», в которой видны потуги равняться на ту, «старую», с чёрно-белых фотографий и кинохроник; хотя при этом громоздится «сити» около Кутузовского проспекта и делает город всё же совершенно непонятным.

***

Алина и Марта – две подруги, которые хорошо себя чувствовали в этом городе. Они не очень любят думать о том, почему так сложилось, но можно подумать вместо них. И чем зануднее это сделать, тем интереснее окажется та фора, которая была у них перед мальчиком Мишей. Он познакомился с ними ещё в школе, где учились только старшеклассники. Там после обычных предметов по вечерам пели, рисовали, танцевали, смотрели фильмы и сами пытались изредка снимать, а ещё ставить спектакли. Мама советовала Мише пойти туда после восьмого класса, чтобы потом работать не в офисе, как она, а где-нибудь «в творчестве». Несмотря на то, что ребят в школе было немного, и все общались тесно, Миша успел только чуть-чуть узнать Алину и Марту – и вот они уже закончили школу. А перед ним был ещё год учёбы. И он скоро ушёл оттуда, сдал всё экстерном и раньше получил аттестат. И безуспешно подавал документы на подготовительные курсы при московском театральном вузе. А девушки готовились стать студентками-актрисами, были весёлыми, уверенными. Одеты уютно, красочно, в ароматах лашевской косметики, похожей на мороженое, с невероятно опрятными причёсками – у Алины светлые, у Марты каштановые. Энергичные, невольные мастерицы нетворкинга. Тогда ему сразу захотелось бесконечно с ними гулять, а потом это желание усиливалось. Но он был – может, уже изменился – смущённым и несчастным, и пока непонятно, насколько это его вина. И тем интереснее, смогли они подружиться с ним или нет. В общем, девушкам было хорошо не только потому, что они молодые-красивые, но и:

Свобода быть там, где хочется

На семнадцатилетии Марты, которое она с Алиной и ко. отмечала в огромной квартире её родителей зимой 2010, ближе к ночи возникла пауза и тишина. Другие подруги ушли встречать новых гостей, родителей не было, один прилежный котан готовил пасту на кухне, некоторые спали, только двое-трое парней выпивали что-то грубое в маленькой комнате. Декорированная заодно под Новый год, с тёмными уголками и огоньками, квартира могла подсказать внезапную лаунжевую меланхолию. Нагнетало ещё то, что Алина и Марта пока плохо знали своё обаяние и плохо понимали следующую свободу, о которой пойдёт речь. Зелёные в этом плане, они могли ощутить, как трудно встретить кого-то родного, чтобы свой гигантский мир и его гигантский мир красиво объединились, и можно было долго узнавать друг друга, и насыщенно любить, интенсивно проводить время. В тот вечер А. и М. заметили, какую кашу из всего они сочинили, чтобы создать праздничную атмосферу. Уже, значит, старались добиться праздника, уже не так легко давался. Когда они разоблачили эту натужность, стало досадно. Выпили по рюмке ликёра и сели смотреть фотографии с прошлого Дня рождения, который вместе отметили в Херефорде (UK). Марта бы удалила эти фотографии, но вот одну захотела оставить. Там, у местного паба, они с Алей опрокидывали на себя вёдра попкорна, обнимаясь с Энджелом, их ровесником, тонким румяным блондином. Он сын деловых знакомых, его папа из кинопрокатной фирмы. Тогда Энджел уговаривал подруг выпить водки, а они отказывались. Перед этим ходили смотреть фильм по-английски, и попкорн дико надоел, так что они решили вывалить его на себя и сфотографироваться. Может быть, Марте этот Энджел нравился.

А вот Алина в то лето, когда готовилась к театральному, влюбилась в молодого человека лет на 5–7 старше. Появился он из толпы новых знакомств, и Аля уехала в Одессу проводить с ним его отпуск. Денег собрала у знакомых, немного у родителей, только не у него. Сначала неделю там пробыла одна, общалась, с кем придётся, не умея сидеть на месте. Находила время и на чтение по списку. Он приехал, когда она уже заскучала и злилась не на шутку. Шутить он умел, арендовал мотоцикл и катал её, но когда мотоцикл рычал и ветер сильно шумел, то шутки были плохо слышны, и скоро стало грустно, поэтому она попросилась домой, виделась с ним ещё пару раз в кафе, а потом они остались приятелями.

В то Мартино семнадцатилетие пауза довольно быстро закончилась, и подруги без проблем вернулись в «здесь и сейчас», провожая новых гостей на кухню.

Свобода выбирать, с кем общаться

Если на Дне рождения Марты в конце 2010-го ещё не так заметно было им самим, что все им рады, то скоро, буквально в течение года между первым и вторым поступлением, это стало очевидно. Они интересовали артистов не меньше, чем артисты их. В коридорах с потными студентами в трико, бегавших как на ускорении из гримёрки в аудиторию с залом, к А. и М. подходили те, кто уже видел вокруг них тусовку, видел в этой тусовке своих однокурсников или просто знакомых – и присоединялся. Так А. и М. быстро всех узнали, их звали на спектакли, на прогоны. У девушек появился друг-курс, или курс-друг, то есть мастерская Тихомирова, где им особенно было приятно. И однажды тихомировцы ставили спектакль на Страстном: балет под музыку из довольно изысканного плейлиста, а декорации – сплошное сено, которое летало, падало, успевая что-то нарисовать на чёрном фоне сценической коробки. После спектакля плотный развихоренный блондин, покрасневший Никита побежал со сцены к Марте за кулисы, передарил ей цветы, которые на самом деле дарили не ему, а он просто поднял их и принёс, – и подбросил Марту вверх, раскрутив вокруг оси. Она ему смешливым сплетническим голосом пересказывала неприличные наблюдения – кто как вёл себя во время спектакля. Она видела самозабвенно критичных, жующих, тайно мечтающих, серьёзных зрителей в зале, а на сцене видела такие странные косяки, из-за которых не могла перестать смеяться, но с соседних сидений ей в ответ улыбались, а не шикали. А под конец спектакля её унесло в тот драматизм, который разыгрывали тихомировцы, и вот теперь Никита её откачивал. Алина убежала говорить как раз с Тихомировым – может быть, впервые ему представляться. А потом они все шли по бульвару, и Никита показывал Марте некоторые танцы из спектакля, танцуя вместе с ней, и она очаровалась этой пластикой, повторяла дома в большой квартире.

Алина в тот год между своими поступлениями успела поработать в детском саду – вела театральный кружок. Родителям малышей очень нравилось то, что организовывала А. – безумные карнавалы с надувными бассейнами, тарзанками, бархатными мотыльками, причёсками из взбитых сливок и проч. Алина и её подруга Надя-костюмерша частично оплачивали это сами, зато потом получали от тех же родителей барыш. Мальчик по имени Вася к Алине привязался – всех стеснялся, а ей стал доверять, и она пыталась его социализировать. На карнавалах ему, несмотря на страхи, надо было выступать с речами, чтобы слышно было на последнем ряду. Он обожал, когда А. исполняла роль Лисы – у неё получалась не традиционно хитрая героиня, а скорее пародистка всяких взрослых людей, которая рассказывала и показывала детям сегодняшних прохожих, папу в отпуске, клоунов из цирка, известных актёров, персонажей мультфильмов… Вася всё время хотел поиграть с ней в Лису и звал её Лисичкой, и ему – как 16-летнему Мише тоже – запоминалась её острая улыбка. Про Алину там умудрились развести сплетни, потому что за ней приходил сорокалетний учитель вокала, у кого она брала уроки. Однажды дети выстроили из кубиков замок высотой полтора метра, чтобы пригласить Алину быть хозяйкой замка. Это был последний день её работы, и она нарядилась принцессой немного в стиле Эльзы-фроузен, и тут как раз пришёл Илья-вокалист и подыграл ей. Алина с Ильёй должны были скоро уходить, но Вася не мог с этим смириться. Она позволила ему выйти на улицу и проводить их до ближайшего поворота. Дальше – широкая улица, полная машин, и Алина отвела Васю обратно, позвала воспитательницу, и мальчик остался с воспитательницей за стеклянной дверью, смотрел, как тысяча моторных лезвий отрезали его от Принцессы в пальто, которая идёт жить своей жизнью с тем тоже слегка волшебным дядькой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.